DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-3-53-58

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Пашков

С.Д. Савин

В статье поднимается проблема двойственной роли внедрения информационных технологий в образовательный процесс, ее институционализации в системе высшего образования. Авторы, используя социологический подход, выделяют факторы влияния условий глобализации и коммерциализации на изменения в структуре высшего образования, а также в подходах к его реализации. Освещаются такие важные социальные проблемы в развитии образования, как социальное неравенство и «цифровой разрыв», «менеджерализация» вузовской структуры в ущерб творческой самоорганизации, усиление этических вопросов соблюдения стандартов академической честности в образовании.

Ключевые слова: высшее образование, цифровизация, информационные технологии в образовании, дистанционное обучение, качество образования, коммерциализация образования.

PROBLEM FIELD OF INNOVATIVE EDUCATION

M.V. Pashkov

S.D. Savin

A problem of the dual role of information technologies' introduction to the educational process and its institutionalization in the higher education system are analyzed in the article. From sociological perspective the authors distinguish the factors of the influence of globalization and commercialization on structure of higher education, as well as to its implementation approaches. Such crucial social problems as social inequality and "digital divide", "managerialism" of the university structure with lack of creative self-organization, and the strengthening of ethical concerns of academic integrity standards in education are highlighted.

Keywords: higher education, digitalization, information technologies in education, distance learning, quality of education, commercialization of education

Пандемия показала, насколько актуальной сферой нашей жизни стала «цифра». Она может быть как помощником в развитии общества и его институтов, так и нести в себе новые проблемы и риски. Не избежало ее противоречивого воздействия и высшее образование.

Представленные в образовательном процессе цифровые (или инновационные) технологии и инструменты, используемые для создания, обработки, обмена и передачи больших массивов информации на небумажных носителях, лучше всего, как считает английский исследователь технологий в образовании Нил Селвин, могут быть описаны метафорой «сад с разветвленными тропинками (Вильямс и Эдж 1995)» [11: с. 9]. Они действительно широко

проникли и в организацию физического пространства учебных заведений (столы-трансформеры и экраны для групповой работы), и в программное обеспечение, используемое для обучения и контроля знаний (Blackboard, Microsoft Teams, Zoom и др.). Без них уже не обходится разработка учебных курсов (привлечение консультантов из числа студентов, работодателей и др.). Они интегрированы в методику преподавания и организации учебного процесса, педагогические подходы и модели обучения (например, «flipped classroom – «перевернутый класс»: дома студенты просматривают видеолекции, а в аудиториях на занятиях в малых группах их обсуждают).

Пашков Михаил Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Pashkov Mikhail Vladimirovich – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Applied and Sectoral Sociology at St. Petersburg State University.
E-mail: mihailpashkov@yandex.ru

Савин Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

Savin Sergey Dmitrievich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of Political and Social Processes at St. Petersburg State University.
E-mail: ssd_sav@mail.ru

© Пашков М.В., Савин С.Д., 2021

Инновационные технологии внесли существенные изменения в организацию образовательного процесса. Они не только расширили возможности образования, повысив эффективность образовательного процесса, его востребованность, открытость и доступность, но и сделали образовательный процесс более динамичным, интересным, гибким. В результате вокруг процесса приобретения знания, обучения и воспитания были созданы новые смыслы и ценности. Они не только свидетельствуют о трансформации учебно-образовательного и управленческого процесса и повседневных социальных практик учебных заведений, но и показывают, о чем исследователи не очень любят рассуждать. О том, что большинство из этих трансформаций связано с тем, что инновационные технологии не являются нейтральными по отношению к социальному, культурному, политическому и экономическому контексту тех обществ, в котором эти технологии разрабатываются и используются.

А ведь именно связь инноваций с социальными, культурными, экономическими и политическими аспектами жизни общества порождает потенциальные проблемы и угрозы для современного образования, а сами инновации позволяют трактовать как «путь в неведомое», как «нарушение сложившегося образа жизни и действий», как «большой риск, авантюру с заранее неизвестным результатом» [7]. Поэтому если мы хотим выяснить и проанализировать долгосрочные последствия использования инновационных технологий в обучении, то, по-видимому, должны понимать технологии как нечто большее, чем просто средство дизайна учебных материалов или механизма, облегчающего управление системой образования. Это позволит нам обратить внимание на глубинные основания процесса цифровизации образования: исследовать и систематизировать те индикаторы, которые этим основанием артикулируются или трансформируются.

В литературе среди этих индикаторов чаще всего фигурируют глобализация, социальное и экономическое неравенство, коммерциализация, этика отношений между основными участниками образовательного процесса. Именно с ними связываются потенциальные вызовы и угрозы, которые подстерегают современное и общество, и образование. Например, глобализация, с одной стороны, способствует развитию равноправного культурного обмена, а с другой – может содействовать доминированию одной культуры или одного подхода в образовании.

Провоцирует новые вызовы и коммерциализация образования. Благодаря ее появлению, как отмечают исследователи, образование получает возможность экономить на масштабе и сокращать ко-

личество издержек. Однако при этом появляются риски, связанные с переходом образовательного процесса как триединства воспитания, обучения и просвещения в процессе диалога и сотворчества учителя и учеников к социально-экономической форме их взаимоотношений, что неизбежно актуализирует проблему социально-экономического неравенства и новых этических ориентиров.

Что касается исследований, которые были бы посвящены трансформации перечисленных выше индикаторов под воздействием цифровизации и связанных с этим проблем и социокультурных рисков как для общества в целом, так и самого института образования, то их, как справедливо отмечается, практически нет [4: с. 86]. Больше говорится о преимуществах цифровизации или, напротив, о ее недостатках на уровне отдельных образовательных организаций, хотя всем известно, что образование шире, чем то, что происходит в школе или университете.

Обратимся еще раз к глобализации как процессу сближения разных стран, который характеризуется увеличением международных торговых потоков, инвестиций, мобильностью персонала и т.д. Не последнюю роль в его развитии играет язык и студенческая мобильность. В 2000 г. было 2 млн международных студентов, в 2017 г. – уже 5,3 млн. Более половины из них были зачислены в образовательные программы в шести странах: Соединенных Штатах Америки, Соединенном Королевстве, Австралии, Франции, Германии и Российской Федерации. Наиболее известные страны отправки иностранных студентов: Китай, Индия, Германия, Республика Корея, Нигерия, Франция, Саудовская Аравия и ряд стран Центральной Азии.

Как известно, сегодня на восприятие человеком процессов глобализации существенно влияет его родной язык и владение иностранными языками. Язык определяет, с кем люди общаются в Интернете и как ведут себя в социальных сетях, сколько информации они могут получить в Википедии, электронных библиотеках или других интернет-ресурсах. Известно, что поиск информации в Google на одном языке может принести в 10 раз больше результатов, чем на другом. И хотя одной из ключевых целей Google, как полагает исследователь языкового разнообразия Даниэль Прадо, является расширение числа языков, которые могут быть использованы поисковой системой, тем не менее, по его мнению, неизбежно возникают проблемы, связанные с инклюзивностью, особенно когда многие небольшие языки остаются только в устной форме или без стандартизированной орфографии. Из примерно 6000 используемых сегодня языков

вы можете осуществлять поиск в Google чуть более чем на 130 различных языках.

Все вышесказанное свидетельствует, что Интернет как одна из форм глобализации далеко не бесконечен и не интернационален, он лишь настолько велик, насколько велик ваш язык. Владение языком является одним из факторов доступа к информации и, как следствие, доминирования конкретного Интернета: Russian Internet, English-dominant Internet или же Chinese Internet, в котором сервисы Google, Facebook, YouTube, Twitter заблокированы.

Нельзя исключить из внимания и то обстоятельство, что в процессе глобального распространения и внедрения в образовательный процесс уже готовых курсов, включающих учебники, готовые слайды с лекциями, набор необходимых контрольных заданий, например такими компаниями, как Pearson, увеличивается риск «макдональдизации образования» ('McDonaldisation' of education). Впервые это понятие было использовано американским социологом Дж. Ритцером, который анализировал развитие социальных институтов как процесс формальной рационализации, как постоянное увеличение калькулируемости и контроля за поведением индивидов [6: с. 31].

Бесспорно, можно согласиться с А.П. Никитиным относительно того, что основными причинами макдональдизации высшего образования являются превращение самого образования в предмет потребления и формирование новой управленческой стратегии, которая в условиях глобализации в качестве образца управления высшей школой использует модель управления крупной корпорацией. Последствием этой тенденции автор называет усиление ассимиляционных практик в деятельности университетов и подмену содержательных целей образования на формальные [5].

Однако более значимыми последствиями этого обстоятельства следует признать те, которые обнаруживают себя, если в качестве методологической базы исследования данного явления использовать неинституциональный подход, который рассматривает образование как социальный институт, «реализующий все формы вторичной социализации» и навязывающий обучающимся «программы, налагаемые обществом на поведение индивидов» [3: с. 86].

В связи с этим обстоятельством актуальным может стать вопрос государственного регулирования международной мобильности студентов, которая является значимой частью образовательного процесса в рамках Болонского процесса. Это обусловлено, во-первых, тем, что, инновации в образовании (цифровое образование) могут способствовать как равноправному культурному обмену, так

и, наоборот, продвижению смыслов и ценностей одной доминирующей культуры/подхода в образовании. Учебные платформы/приложения (Blackboard, Microsoft Teams, Moodle, Canvas – с одной стороны, могут способствовать унификации и стандартизации организации обучения, предлагать новые интерактивные функции, удобства, но, с другой стороны, могут привести и к негативным последствиям их внедрения для образования той или иной страны.

Кроме того, наступление пандемии COVID-19 стало причиной перехода студентов, исследователей и преподавателей, участвующих на данный момент в программах международной мобильности, к дистанционному формату. Это стимулировало разработку университетами стратегии виртуальной мобильности и подготовку преподавателей для работы с иностранными студентами в цифровом формате на основе использования уже созданных платформ виртуальной мобильности (например, coil.suny.edu, Collaborative Online Learning) и разработку собственных. В этой ситуации должно ли дистанционное/онлайн международное обучение тоже регулироваться государством? Должны ли дипломы, полученные в результате такого обучения, признаваться наравне с традиционными дипломами?

Как известно, с инновациями связано и развитие образования как коммерческого продукта. Цифровые технологии и платформы обучения – это многомиллионный бизнес, в котором участвуют глобальные корпорации, оказывающие все большее давление на локальные учебные заведения. Информационные технологии делают возможным экономию масштаба образования: сокращение значительного количества издержек, автоматизацию многих функций преподавания, увеличение количества обучающихся, создание условий для дополнительного образования и дистанционного онлайн образования. Это не только подпитывает модель массового высшего образования, но и порождает конкуренцию между вузами, движущими силами которой становится прибыль/эффективность/рентабельность высшего образования.

Очевидно, что конкуренция и ориентация на эффективность, с одной стороны, мобилизуют вузы к внедрению положительных инноваций. Однако, с другой стороны, логика рентабельности и прибыльности не всегда совместима с образованием при решении вопросов об учебных курсах, найме преподавателей или качестве образования.

Какие могут возникнуть проблемы, если прибыль будет диктовать долгосрочное развитие образования?

Давид Ф. Ноубл, известный критик автоматизации и цифровых технологий в высшем образовании, еще в 1998 г. писал: «Качественное высшее образование не исчезнет полностью, но вскоре оно станет исключительным достоянием привилегированных, доступным только детям богатых и влиятельных. Для остальных из нас наступила мрачная новая эра высшего образования» [10: с. 368].

Ноубл полагает, что в погоне за массовостью высшего образования снижается его качество, так как увеличение размеров учебных групп повышает нагрузку на преподавателей, а решения об образовательных программах принимаются из учета прибыли и рентабельности, что нередко не соотносится с долгосрочными интересами общества и развития профессии.

Кроме того, превращение образования (и преподавания) в «продукт» для продажи характеризуется тем, что преподаватель становится интересен только как первоначальный производитель курса. Потом этот «продукт» может воспроизводиться уже без преподавателя, так как все материалы, задания, видеолекции переводятся в электронную форму, что подпитывает долгосрочную тенденцию изменения преподавательской деятельности в сторону депрофессионализации или потери уровня преподавательских навыков и умений. В свою очередь, студент также становится потребителем, а не творческим субъектом, партнером преподавателя в образовательном процессе.

Ориентация на прибыль неразрывно связана с возрастанием в образовании роли менеджериализма, который Розмари Дим определяется, как принятие структурами общественного сектора тех организационных форм и технологий, управленческих практик и ценностей, которые существуют в секторе частного предпринимательства [3]. При таком раскладе менеджеры образовательных организаций приобретают решающее право голоса и контроль над ходом образовательного процесса. Если на первоначальном этапе автоматизации образования издержки могли снижаться, то по мере изменения подхода к управлению образовательными организациями эта экономия поглощается ростом затрат на содержание административного аппарата.

Говоря об ориентации образования на прибыль, стоит упомянуть и то, что в процессе цифровизации образования неизбежно увеличивается влияние ИТ-компаний, которые обеспечивают создание и поддержание работы информационных технологий, предоставляя программное обеспечение для процесса обучения. Многие из таких компаний являются крупными корпорациями, которые сами движимы интересами прибыли, например компания Microsoft, которая разработала корпоративную

платформу Microsoft Teams, применяемую для дистанционного обучения в университетах.

Применительно к российскому образованию идея Давида Ф. Ноубла нашла поддержку у Н.Г. Яковлевой, которая полагает, что превращение образования в процесс производства, продажи, покупки и «потребления» образовательных услуг может привести к приоритетному развитию элитарной модели образования, т.е. делению образования на две существенно различные подсистемы: высококачественное образование для элиты, которая готова платить, и осуществляемое по остаточному принципу образование для всех остальных, что чревато окончательным закреплением за Россией статуса полупериферийной (а то и просто периферийной) страны [8].

Теперь о связи инноваций в образовании с проблемой неравенства (как внутри стран, так и между странами). Непонятно: инновации его преодолевают или только усугубляют?

С одной стороны, инновации расширили доступ к курсам и педагогическим методикам: к MOOC – Massive Open Online Courses (Coursera, Udemy, edX, Открытое образование), к материалам ведущих вузов (Open Access), представленным в открытом доступе, к специализированным онлайн-проектам (Khan Academy), к различным YouTube instructional videos.

С другой стороны, они же создали «digital divide» («the gap separating those who have computers and Internet access from those who don't—the "information rich" and the "information poor"»). «Цифровой разрыв» коснулся социальных групп, представителей разных возрастов, гендера и регионов проживания, а технико-технологическими барьерами его преодоления стали доступ к высокоскоростному Интернету, возможность приобрести компьютер или ноутбук с необходимыми характеристиками, а также доступ к программному обеспечению. По данным Всероссийского омнибуса GfK, к началу 2019 г. аудитория интернет-пользователей в России среди населения 16+ составила 90 млн человек (+3 млн человек к прошлому году) и достигла отметки 75,4 % взрослого населения страны. Таким образом, мы можем заключить, что в России сохраняется процент населения, не имеющего доступа к мобильному Интернету.

Однако выполнение этих условий еще не означает решение проблемы. Требуется также и соответствующий уровень цифровой грамотности: информационные навыки и умение работать с программным обеспечением, а также грамотность, позволяющая отличать качественную информацию от некачественной в Интернете и понимать принципы конфиденциальности и защиты своих персо-

нальных данных и «цифрового следа» и т.д. По результатам исследования НАФИ, только 27 % россиян – каждый четвертый – обладают высоким уровнем цифровой грамотности. Все это позволяет предположить, что качественное высшее образование рискует стать дефицитным продуктом на рынке и, как следствие, дорогим, а значит, доступным только для состоятельных групп населения, что в перспективе будет только увеличивать разрыв и воспроизводить социальное неравенство.

Этическое поле образования – это еще одна область, в которой инновационные технологии создают проблемную ситуацию. Среди этических проблем, возникших в образовании под влиянием инновационных инструментов и технологий, следует обратить внимание прежде всего на проблему Surveillance и конфиденциальности данных студентов и преподавателей, реакцией на которую стал рост внимания к требованиям регламента GDPR (General Data Protection Regulation – Общий регламент по защите данных). Многие университеты как в Европе, так и в России теперь приводят свои онлайн-платформы в соответствие с этим регламентом.

Нельзя обойти стороной и этическую проблему, касающуюся роли преподавателей в организации образовательного процесса. Преподаватели становятся более уязвимым контингентом, их труд обесценивается, увеличивается количество преподавателей, занятых на почасовых контрактах. В складывающихся условиях трудно сохранять уникальность и автономность каждого преподавателя и его подхода, не говоря уже о вовлеченности преподавателей в обсуждение вопросов, касающихся внедрения инноваций, использования программного обеспечения, а также принятия решения о доступности своих материалов онлайн или нет.

Еще более серьезным этическим вызовом, с которым столкнулась цифровизация высшего образования, стала академическая нечестность, мошенничество (англ. fraud, academic dishonesty, contract cheating) как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием» [1].

Многочисленная индустрия фальшивых дипломов, сдача текстов и экзаменов за других, написание работ на заказ и другие практики академического мошенничества широко используются как в России, так и за рубежом. Статистика нам свидетельствует о том, что в ведущих университетах Англии, Германии, Франции и США около четверти обучающихся, по их собственному признанию, нарушают академическую этику, российские студенты еще более толерантны к академическому

мошенничеству, чем студенты из США и европейских стран [2].

Более того, на рынке существует множество специализированных компаний, которые предоставляют эти услуги в больших масштабах, используя технологии для продвижения своих услуг: онлайн-платформы – для сбора заказов, зашифрованные каналы – для получения платежей со студентов и т.д.

Среди причин, порождающих академическую нечестность, прежде всего следует назвать рост вовлеченности студентов в процесс обучения и большие аудитории обучающихся, а также коммерциализацию процесса обучения. Первое усложнило процесс выявления академической нечестности преподавателями и университетами, а второе создало благоприятную почву для академической нечестности (студент получил возможность воспринимать образование как продукт, который легко отдать на аутсорсинг).

Индустрия мошеннических схем в высшем образовании наносит существенный ущерб репутации студентов, университетов, статусу высшего образования и дипломов в целом. Как ей противостоять? Сформировалось по крайней мере три эффективно развивающихся подхода к решению этой проблемы.

1. Совершенствование технологических мер, которые предполагают более продвинутые технологии для выявления и предотвращения нечестности, например усовершенствованные системы Антиплагиат, которые используют stylometrics and linguistic footprint: Urkund, PlagScan, Turnitin.

2. Этическое воспитание студентов: обсуждение с ними тех норм, которым они должны следовать для того, чтобы соответствовать своей профессии и начать создавать свою репутацию с первых лет обучения.

3. Пересмотр ценностей образования, чтобы они соответствовали современным задачам, которые студенты ставят перед собой. А это предполагает поиск ответов на целый ряд вопросов: зачем студенты обучаются? Что могут преподаватели и университет в целом сделать, чтобы лучше вовлекать студентов в процесс образования? Как можно изменить процесс обучения и контроля знаний, чтобы создать мотивацию для студентов выполнять работу и задания самим?

И в заключение хотелось бы заметить, что цель, которую мы ставили себе при написании этой статьи, – это не критика использования цифровых технологий в образовании, а проблематизация цифровизации высшего образования, его влияния на традиционные идеалы образования, такие как достижение равенства, возможности для критического осмысления и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большунова, Т.В.* Академическое мошенничество как проявление дисфункции института высшего образования / Т.В. Большунова // Человек. Общество. Наука. – 2020. – № 3 (3). – С. 16–19.
2. *Иоголевич, Н.И.* Академическая недобросовестность студентов технического вуза: масштабы проблемы и пути решения / Н.И. Иоголевич, Е.И. Лободенко // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5, Вып. 1. – С. 99–106.
3. *Дим, Р.* «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании / Р. Дим // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 44–56.
4. *Минина, В.Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты / В.Н. Минина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, Вып. 1. – С. 84–101. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106> (дата обращения: 30.03.2021).
5. *Никитин, А.П.* Макдональдизация высшего образования / А.П. Никитин // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3. – С. 221–232.
6. *Ритцер, Дж.* Макдональдизация общества / Дж. Ритцер. – Москва : Праксис, 2004.
7. *Яковец, Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века / Ю.В. Яковец. – Москва : Экономика, 2004.
8. *Яковлева, Н.Г.* Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты / Н.Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4. – С. 49–58.
9. Challenges and Opportunities for Russian Higher Education amid COVID-19: Teachers' Perspective / N. Almazova, E. Krylova, A. Rubtsova, M. Odinkaya // Education Sciences. – 2020. – Vol. 10, № 12. – P. 368–379.
10. *Noble, D.* 'Digital diploma mills: The automation of higher education' / D. Noble // Science as Culture. – 1998. – Vol. 7, № 3. – P. 355–368.
11. *Selwyn, N.* Telling Tales on Technology: Qualitative Studies of Technology and Education / N. Selwyn // Taylor & Francis. Chapter 2: Taking a Qualitative Approach to Technology and Education. – 2020. – P. 5–17.